Юрий ОКУНЕВ

ПАРТБИЛЕТ

У Федора Савельича – работника аппарата ЦК КПСС со Старой площади – украли партбилет. Красная книжечка с гордым тиснением «Коммунистическая партия Советского Союза» грела сердце в левом кармане пиджака с пуговкой. Всегда была при хозяине и вдруг... пропала. Украли... За потерю партбилета, как известно, выгоняют из партии, поэтому он первым делом рассказал о своем горе жене Клавдии Филимоновне, которая тоже в партии состояла и работала старшим экономистом в Минводхозе. Клава выслушала мужа на вид без нервов и заключила с присущей ей прямолинейностью:

– Украли у него билет... Да кому твой гребаный партбилет нужен? Сам потерял небось...

– Ты, Клава, про партию-то попридержи язык... За «потерял партбилет» знаешь что бывает?

– Само собой, с работы уволят и с площади выгонят, – спокойно заключила жена, а потом по-бабьи всплеснула белыми руками, – И где тебя на работу возьмут, интересно было бы узнать, и что ты умеешь еще делать кроме как цековское кресло задницей натирать?

Клавдия Филимоновна давно подозревала, что муж помимо кресла еще одним своим важным органом кое-где кое-что натирает. А все от безнаказанности в том цековском кресле – так она считала, а потому и рада была бы, если бы выгнали. Хотя, с другой стороны, все у них от того кресла проистекает – и ее должность, и санаторий в Кисловодске, и госдача, да и булочки сдобные с икоркой черной... Да чего там говорить – в сомнениях была Клава, но виду не подавала.

Федор Савельич, напротив, нервничал при жене без удержу. Подозрения жены насчет шалостей с медсестрой Люськой он вообще в расчет не брал, а вот грядущее наказание за потерю партбилета виделось ему во всей своей трагической безысходности. Да не просто виделось, а во всем теле ноющей болью отзывалось и позорное исключение из партии, и увольнение без выходного пособия и цековской пенсии, а главное – потеря насиженного места, шибче и сытнее которого во всем мире было, по мнению Федора Савельича, только место помощника завотделом, на которое он метил. Кошмар надвигающейся трагедии усугублялся еще и тем, что наш герой и вправду ничего, кроме как сидеть в цековском кресле, делать не умел и уныло осознавал, что проставлять цифры в стандартной болванке ежеквартального отчета о выполнении плана производства бумаги – не профессия.

Федор Савельич занимал должность инспектора в секторе Производства бумаги отдела Легкой промышленности. По утрам секретарша накладывала ему входящие бумажки о делах с бумагой на левый угол стола, а вечером забирала те же бумажки с произведенными Федором Савельичем пометками «куда и кому» с правого угла. С бумагой в стране было очень плохо – ее не хватало даже на издание произведений классиков за исключением, конечно, классиков марксизма-ленинизма. Федя понимал, что бумажный конвейер на его письменном столе проблему нехватки бумаги никак не решает, он даже догадывался, как можно было бы эту проблему решить, но рубить сук, на котором сидел, опасался и помалкивал. Начальству виднее, зачем дефицит бумаги поддерживается... Ему

лично не подобает высовываться с критикой, а, напротив, следует молчаливо-одобрительно кивать, ибо только «молчальники выходят в начальники». На службе Федор Савельич никогда не жалел, что чего-то не сказал, но тут с женой совсем другое дело...

– Ты, Клавдия, прикинь... Украли лучше, чем потерял... Вины моей меньше, украли и все, за всеми не уследишь, кто к тебе в карман лезет. Как думаешь?

– Украли лучше, чем потерял, согласна. Но ты тоже прикинь, Федя... Тебя же спросят, кто украл, когда украл, где украл. Ты, Федя, запутаешься, как пить дать...

– А искать украденное не моя забота, пусть органы компетентные этим и займутся, а я что... Я только факт донесу.

– Вот органы и возьмут тебя за яйца, обман раскроют, на чистую воду выведут. Ты, Федя, поищи лучше, партбилет не иголка. В костюме старом искал? В ящиках стола смотрел? В брюках летних может оставил?

– Какие брюки, он у меня всегда в левом внутреннем кармане рабочего пиджака. Оттуда и украли...

– Что за дурацкая манера документы с собой таскать. Вот у меня партбилет в шифоньере под бельем лежит, никто не украдет, никуда не денется. Подумай, Федя, насчет «украли партбилет», все надо взвесить, – посоветовала Клава, а потом добавила совсем не по теме, – Забыла тебе сказать, что туалетная бумага кончается, скоро будем с тобой задницу подтирать газетой «Правда», как настоящая трудовая интеллигенция делает. Поспрашивай у вас в хозотделе, нельзя ли впрок отоварить рулончиков десять?

Федор Савельич той ночью почти и не спал, лежал с открытыми глазами, злился на Клавдию, что спит как ни в чем не бывало, а в голове все крутилось: «Что делать?» Под утро он заснул тревожно и во сне был немедленно приглашен в кабинет парторга отдела. А когда вошел в просторный тот кабинет, то увидел, что на всех стульях вдоль стен и за огромным столом посередине сидят все те, на кого он написал доносы. Проснулся весь в поту...

Все еще под впечатлением от того гадостного сна вышел Федор Савельич наутро из метро «Дзержинская», что наискосок от величественного здания КГБ, известного в народе под кликухой Лубянка, и взглянул на памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому в центре площади.

Прежде чем завернуть в переулок к Старой площади, он в этом месте всегда подходил к краю тротуара и благоуханно впитывал в себя исходившую от огромного здания с гигантским монументом властную мощь, блаженно ощущал свою причастность к этой силе. Феликс Эдмундович Дзержинский – слова то какие неземные, подобные звону и блеску меча карающего... Сила железная, устрашающая в трех словах... Смолоду, еще со школьных комсомольских лет, был Федор Савельич нештатным секретным сотрудником феликсова ведомства, то есть сексотом, как говорили. С обязанностями несложными и необременительными – писать раз в квартал или по случаю отчеты-доносы о своих товарищах, сослуживцах, соседях, друзьях и родственниках.

Но в то нелегкое утро Федор Савельич впервые в жизни посмотрел с опаской на железного Феликса, застывшего навечно посередине площади своего имени прямо перед своим же детищем. Не обернется ли меч карающий против него самого? – подумал Федор Савельич и мысленно перекрестился.

На работе не работалось... Федор Савельич задумчиво сложил стопочкой все новые бумажки с левого угла стола, переложил стопочку в центр, оставил на завтра. «Надо идти к Гаврилычу, признаваться надо...» – наконец обреченно решил он. Гарилычем Федор Савельич мысленно называл своего старого знакомого по службе и партийным делам, а ныне секретаря парткома отдела Ивана Гавриловича, с которым был на ты. С Ваней Федя дружил еще с молодых лет, когда вместе в горкоме комсомола куролесили, на него только и надежда, что замнет дело...

Иван Гаврилович молча выслушал нестройный рассказ своего приятеля о том, как тот пришел на работу с партбилетом в левом кармане пиджака, как напряженно работал весь день, не вынимая ничего из карманов, как на следующий день обнаружил пропажу...

– Хреновые твои дела, Савельич, если билет не найдешь, – резюмировал Иван Гаврилович.

– Да где же я его найду, Гаврилыч, сам рассуди... Его же наверняка в метро сперли. Сам знаешь, какая толкучка по вечерам, ворья в метро полно, трутся вокруг, из-под штанов что хочешь достанут. Войди в мое положение, прости великодушно, – заголосил Федор Савельич, пытаясь разжалобить друга и решить дело келейно прямо в этом кабинете.

Но Иван Гаврилович, отлично знавший, что его кабинет прослушивают все, кому надо, возвысил голос и, вдруг перейдя на вы, строго, по партийному осадил бывшего приятеля, которому теперь тамбовский волк приятель...

– Вот что, товарищ Никифоров... Вы мне здесь антипартийные решения не навязывайте. В ваше положение я вхожу по партийному, отбросив все личное, согласно Устава и партийного порядка... Ежели партбилет не найдете, то назначю партсобрание по вашему персональному делу.

– Как же так... При моем партийном стаже... Без учета заслуг...

– Коммунисты, товарищ Никифоров, учтут и стаж, и заслуги... Всё учтут, вину Вашу взвесят и примут правильное решение по мере наказания. А сейчас извините, меня заведующий вызывает, – сказал Иван Гаврилович, вставая и давая понять Федору Савельичу, что дружба дружбой, а служба службой.

Дело оборачивалось для Федора Савельича большими неприятностями, обрастало неприязнью и даже отторжением со стороны привычного окружения. Вот и старый друг выкает, свою задницу толстую прикрывает...

Следующим утром ему позвонила секретарша помощника заведующего отделом и сказала: «Вас, товарищ Никифоров, просят зайти немедленно». Федор Савельич попытался выспросить, по какому вопросу вызывают – дескать, может быть, какие документы надо взять, но секретарша отрезала, что насчет документов ничего не указано. Ему все это сразу же не понравилось – и то, что по фамилии вызывают, и то, что без документов. С месяц назад Федор Савельич составил на помощника анонимный донос в органы из вырезанных газетных буковок. Донос был краткий, но весомый и конкретный – «О посещении блядей помощником завотдела ЦК КПСС». Федя так прямым текстом правду-матку и докладывал, ибо знал это достоверно от своей любовницы Люси. Неужели дознались, что он написал? Хотя вряд ли... Помощник заведующего принял его вежливо, но руки не подал, а указав на сидевшего в кресле мужчину в штатском, сказал скороговоркой, что у Евгения Васильевича есть вопросы к товарищу Никифорову и вышел, сославшись на совещание там наверху...

Федор Савельич узнал Евгения Васильевича сразу, ибо видел его на инструктаже на Лубянке в форме полковника, а вспомнив, забеспокоился, что дела его плохи.

– Я начет вашей пропажи хотел бы кое-что уточнить, – начал Евгений Васильевич.

– Да, да, конечно, – прервал его Федор Савельич, стараясь выглядеть предельно откровенным, – такая, знаете, неприятность с партбилетом...

Сволочь Гаврилыч, уже успел настучать в контору – со злобой подумал Федор Савельич, а Евгений Васильевич продолжил с железобетонной интонацией:

– «Неприятность с партбилетом» – так это теперь называется? Вашим партбилетом займутся партийные органы, а меня интересует, как мы с вами теперь уследим, кто в здание ЦК партии проникать будет? .

– У меня пропуск на месте – промямлил Федор Савельич и полез в карман, чтобы документ показать.

– Вы, товарищ Никифоров, дурочку-то не стройте... Партбилет является пропуском в любую партийную структуру, как вы прекрасно знаете. Это вам не ксива для прохода в дачный кооператив. Тут возможна крупная диверсия против штаба партии. Неужели вам это не понятно?

– Понятно, конечно, понятно, чем могу...

– Изложите подробно, когда, где, при каких обстоятельствах потерян или, как вы утверждаете, украден ваш партбилет.

Федор Савельич как можно подробнее начал рассказывать, как пришел на работу с партбилетом в левом кармане пиджака, как напряженно работал весь день, не вынимая ничего из карманов, что партбилет, скорее всего, вытащили в метро по дороге домой... Потом начал нудно перечислять сотрудников, заходивших к нему, и даже вспомнил одного посетителя, но в этом месте полковник прервал его:

– Вот что, товарищ Никифоров... Ваша версия кражи в метро меня лично не устраивает. Давайте повнимательнее рассмотрим другие варианты. Вы сейчас же в приемной напишете подробный отчет с указанием всех лиц, заходивших к вам в течение дня. И по какому вопросу, и сколько времени каждый был у вас. А мы проверим ваши подозрения, но учтите – пока получается, что, скорее всего, как вы выражаетесь, вы сами потеряли документ. В ваших интересах навести нас на след преступника, если это не так.

В этом месте Евгений Васильевич внезапно придвинулся к Федору Савельичу и с неожиданно доверительной интонацией сказал:

– В нехорошую историю вы, Федор Савельич, попали. Здесь, знаете ли, госизменой попахивает. Зная ваше многолетнее сотрудничество с нашим ведомством, лично я не допускаю умышленного предательства, но неумышленное... так сказать, по халатности и разгильдяйству пособничество вражеским агентам вполне вырисовывается. Идите, идите... И пишите...

Федор Савельич в шоковом состоянии с взмокшей от ужаса спиной писал служебную записку для компетентных органов в приемной помощника заведующего отделом. Писал обо всех, кто был у него в кабинете в тот день и чье пребывание можно было доказать, пытался найти какую-нибудь зацепку для своей версии кражи, и... о, удача – его, наконец, осенило: ПОСЕТИТЕЛЬ!

Посетителя звали Семен Борисович Свердлов – так было записано у Федора Савельича на страничке календаря, и в этом можно было убедиться в книге регистрации посетителей на вахте. Посетителю он собственноручно заказал пропуск и принял его по просьбе жены Клавы, которая утверждала, что молодого талантливого человека, кандидата каких-то наук, племянника какой-то ее приятельницы зажимают на работе. Федя сначала отказывался, ссылался на то, что он ничем помочь не может, но Клава сказала, что приятельница, во-первых, оказывает ей парикмахерские услуги, а во-вторых, как и все, свято верит, что в ЦК всё могут. Федор Савельич принял просителя солидно, выслушал его, не отрываясь от своих бумажек, показывая, что ему приходится ежеминутно решать подобные дела, не прерывая своей основной напряженной государственной деятельности. Проситель, волнуясь, рассказывал, что его изобретению, долженствующему преобразить технику отечественного станкостроения, не дают хода, зажимают, а все потому, что он конкурент какого-то начальника в министерстве. Посетитель педалировал на интересы государства, которые бюрократами игнорируются. Федор Савельич быстро понял, что ничем молодому человеку в принципе помочь не может – это дело вообще было не по его отделу. А просить за кого-то у смежников, да еще за беспартийного, да с такими подозрительными именем, отчеством и фамилией – упаси бог, на неприятности нарвешься!

Твердо решив ничего не делать, Федор Савельич сказал посетителю, что наведет справки и постарается помочь, а в отчете о потере партбилета написал, что Семен Борисович Свердлов, беспартийный, пребывал у него в кабинете с такого-то по такой-то час по вопросам внедрения новой техники. Ничуть не обвиняя посетителя в чем-либо преступном, Федор Савельич, тем не менее, упомянул, что во время приема он лично «кратковременно отлучился в туалет, неосмотрительно оставив пиджак с партбилетом на спинке кресла».

Жене Федор Савельич рассказал все подробно: и про интерес компетентных органов к его персоне, и про написанный им отчет... Правда, за исключением того мелкого факта, что навел органы на посетителя – племянника Клавиной приятельницы.

Из конторы, куда Федор Савельич написал отчет о потере партбилета, никаких новых указаний не поступало и на конспиративную квартиру не вызывали, а вроде бы пора было – это усиливало тревогу. У него на столе, однако, появилось извещение из парткома о собрании коммунистов отдела с повесткой дня «Персональное дело коммуниста Ф.С. Никифорова». Федор Савельич с ужасом прикидывал, что такое объявление получили все сотрудники. Он представлял себе, как они все это не без удовольствия обкатывают... Секретарша сектора Производства бумаги, которая все всегда знала, шепнула Федору Савельичу, что основное сообщение о его проступке поручено инспектору Кузьмину, причем сверху оговорено, что тому надлежит требовать исключения из партии. Кузьмин был хорошо известен, как принципиальный коммунист, от которого пощады ждать не следует...

Федор Савельич посоветовался с женой насчет того, не следует ли ему самому, не дожидаясь вызова из КГБ, позвонить по секретному номеру и спросить о своем деле. Клавдия Филимоновна решительно не советовала этого делать. «Не буди лихо, пока оно тихо...» – посоветовала она, а потом взяла мужа за воротник и, глядя ему в глаза, с придыханием спросила:

– Ты им про племянника моей подруги Семене ничего не закладывал?

Федор Савельич был готов к вопросам о деле посетителя и поэтому со всей искренностью соврал:

– Да ты что...Упаси бог, ничего не говорил, он-то тут при чем? Справки наводил в промышленном отделе, но там ничего не знают... А почему спрашиваешь?

– Потому что Семена в КГБ замели. Арестовали, шьют шпионаж...

– Зря не арестуют... На начальство бочки катит, не по-советски это, – констатировал Федор Савельич вслух, а про себя с оптимизмом отметил, что чекисты зря хлеб не едят.

– У твоего начальства поди все по-советски... Мать плачет, парень, говорит, кроме формул своих ничем не интересуется. Помочь можешь по своей линии в органах?

– У меня сейчас только и делов, что влезать в шпионские дела, – отмахнулся Федор Савельич.

Приближалось партсобрание, на котором Федю собирались исключить из партии. Из конторы ничего обнадеживающего не поступало. Ему оставалось надеяться только на чудо, которому тоже неоткуда было явиться. Федор Савельич почти забросил работу, сидел на своем кресле, тупо уставившись на телефон – авось чудо явится оттуда! Ему позвонила Люся...

Людмила работала медсестрой в спецполиклинике, где лечился Федор Савельич. В свободное от работы время она принимала клиентов в отдельной квартире, снятой на паях совместно с подругами – такими же, как она, проститутками по совместительству. Девушки работали в квартире в режиме с разделением по времени. Люся была серьезной проституткой, она имела только постоянных клиентов, причем только по рекомендации. Федор Савельич, приходивший на сеанс по средам, знал, что Люся принимает еще двух клиентов по его рекомендации по субботам. Тем не менее Федор Савельич не позволял Люсе звонить к нему на работу, а посему, услышав ее голос, быстро повесил трубку. Она перезвонила еще раз и сразу же предупредила:

– Ты трубку-то не бросай, послушай, для тебя звоню...

– Ну чего еще, занят я...

– Занятия – дело полезное, но ты как-нибудь заехал бы книжечку свою красную забрать...

Федор Михайлович выскочил из кресла, словно катапультировался и, потеряв дар связной речи, заверещал: «Где..., как..., что ты..., почему...» Люся успокаивающе пояснила:

– Ты, Федя, давеча когда прикорнул, я тебе пиджак помятый погладила, книжечку вынула, на подоконник положила, а ты забрать забыл...

Федор Савельич выпалил «Еду...» и выброшенный катапультой вылетел из кабинета. Ничего подобного не видела Людмила в своем многоопытном общении с мужчинами. Вырвав из рук Люси свой партбилет, Федя обозвал ее несколько раз сукой, один раз курвой блядской, а потом всхлипнул, прослезился, расцеловал ее и убежал, сжимая в руках драгоценную книжицу.

Из ближайшего телефона-автомата он позвонил по секретному телефону в свою секретную контору, где служил подобно Людмиле по совместительству, но бесплатно, и попросил немедленной встречи с Евгением Васильевичем по неотложному вопросу

государственной важности. Ему было велено явиться... Что было на той встрече, о чем Федор Савельич говорил и договаривался с Евгением Васильевичем и что тот ему обещал, и что требовал взамен, абсолютно никому ничего не известно. Федор Савельич не рассказывал этого впоследствии даже жене, он поклялся сохранить все в тайне до самой гробовой доски. Но что доподлинно известно, так это что Федор Савельич вышел с конспиративной квартиры с блуждающей улыбкой на лице, с расправленными плечами и высоко поднятой головой. Он даже зашел в ближайшую рюмочную, выпил 100 граммов армянского коньяка и закусил лимоном...

На партсобрание, на котором его должны были исключить из партии, Федор Савельич шел бодрым шагом человека, уверенного в своем светлом будущем, чем немало удивил сослуживцев, считавших, что его песенка спета. Иван Гаврилович, напротив, выглядел побитой собакой. Он жестом остановил Кузьмина, который собрался было занять место рядом с целью произнесения обличительной речи по поводу антипартийных деяний коммуниста Никифорова, и очень тихо с перерывами между фразами объявил:

– Товарищи коммунисты! Факт утраты коммунистом Ф.С. Никифоровым партбилета не подтвердился... Нам указали на это вышестоящие инстанции... Следует также отметить, что Федор Савельич, проявив партийную принципиальность, своевременно и добровольно сообщил в партком о возможной потере партбилета... Это, конечно, может вызвать определенные нарекания по поводу его преждевременных опасений, но, с другой стороны, его волнение в связи с даже кратковременным отсутствием партбилета не может не вызвать уважения... Мы, товарищи Федора Савельича, конечно, сильно переволновались за него... Поэтому предлагаю вынести товарищу Никифорову партийное замечание без занесения в личное дело коммуниста... Кто за это предложение, прошу поднять руку... Принято единогласно...»

Совершенно ничего не понявшие и сбитые с толку коммунисты молча выходили с заседания, пожимая Федору Савельичу руку и на всякий случай поздравляя его непонятно с чем... Иван Гаврилович тоже подошел и улыбаясь протянул руку. Феде хотелось плюнуть бывшему другу Ване в его предательскую рожу, показать полновесную фигу и сказать «Накось, выкуси!», но он не сделал этого, а, напротив, пожал протянутую руку, улыбнулся и сказал спасибо.

В общем и целом вся эта история закончилась вполне благополучно, и все ее участники на поверку даже получили выгоду...

Изобретатель Семен Свердлов, слегка помятый и сильно запуганный, был выпущен из камеры следственного изолятора «за неимением достаточных улик его вредительской деятельности». Правда, из почтового ящика он был уволен по причине, как было записано в трудовой книжке, «несоответствия занимаемой должности». Семен пытался запатентовать свое изобретение, но ему было отказано на том основании, что изобретение принадлежит не частному лицу, а предприятию, на котором оно было сделано. Позднее стало известно о получении авторского свидетельства на Сёмино изобретение группой лиц из руководства почтового ящика с одновременным выдвижением коллектива авторов на Государственную премию. Однако в судьбе Семена это печальное событие сыграло положительную роль – он, наконец, решился изменить свою судьбу и подал заявление на выезд в Израиль. Пришлось, конечно, несколько лет поработать дворником, чтобы стереть

из памяти секретные сведения из своей прошлой работы, но потом, рассказывают, он уехал и ныне даже, кажется, процветает на Западе – нет худа без добра!

Медсестра Люся была, конечно, уволена из партийной поликлиники с волчьим билетом за «аморальное поведение, несовместимое с должностью советского медработника». Жизнерадостная Людмила ничуть не огорчилась и тут же полностью переключилась на свою первую древнейшую профессию. Пользуясь своими сексуальными способностями и дружескими связями в кругах партийно-государственной номенклатуры, она стала элитной валютной проституткой с доходом, несоразмерно превосходившим ее медсестринскую зарплату. Федору Савельичу она в сексуальных услугах решительно отказала, но не из-за обиды на его донос, а по причине отсутствия у клиента достаточных валютных средств. Она так и объяснила ему – мол, достигла таких служебных высот, какие «такому партийному дерьму, как ты, Федя, абсолютно недоступны»...

Сам Федор Савельич, наконец-то, получил вожделенное место Помощника Заведующего отделом, ибо прежний помощник пошел на повышение методом ударной возгонки и лучшей кандидатуры на его замену, чем многоопытный партиец Федор Савельич, не оказалось. Он остепенился, заматерел, достиг уровня своей некомпетентности и утвердился в партийной номенклатуре навсегда...

Больше всех получила бенефитов от этой истории с партбилетом жена Федора Савельича Клавдия Филимоновна. После перемещения мужа на более высокую партийную должность она немедленно была продвинута в начальника финотдела Минводхоза, но главное – избавилась от постельной конкурентки и захватила полную власть над мужем.

Вот такие дела...